

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сегодняшняя коммуникация – это не только деятельность, реализуемая в речевом процессе, «систематически формирующая объекты обсуждения», но и по-прежнему текст [6, с. 49]. В тоже время, будучи языковой универсалией, в последнее время «текст» как лингвистический термин значительно прибавил в значимости. Если в традиционном дискурсе текст понимается в основном как «произведение», то в современной прикладной лингвистике (обусловленной практической деятельностью) *текст* – гораздо более широкое понятие: помимо традиционной семантики, это и 'минимальная последовательность знаков и звуков', и 'максимально широкая речевая реальность', 'совокупность субтекстов', и, наконец, так называемый 'гипертекст'. Сегодня, во времена Интернета и соцсетей, есть все предпосылки констатировать и некую новую текстовую реальность – *интертекст* и, соответственно, связанную с ним *интертекстуальность*. **Интертекстуальность** – взаимосвязь текстов, которая основана на их содержательной, информационной общности, что обуславливает функциональность отдельных текстов как элементов совокупности [2, с. 291]. Информационная насыщенность современной коммуникации способствует весьма ощутимой сегодня эволюции текста как феномена. Эту данность, разумеется, необходимо учитывать в многообразной практической деятельности, связанной с созданием, развитием и использованием текстов.

Итак, современная речевая практика не только *гипер-*, и *суб-*, но и *интер-*текстуальна: «Эти отношения между текстами, или интертекстуальность, размещают каждое письменное высказывание в сети связанных между собой высказываний, независимо от того, подразумевается это; не подразумевается; не подразумевается, но может подразумеваться; скрыто в институциональном и интеллектуальном окружении, определяющем характеристики данного документа» [4, с. 232]. Именно такие свойства тесной взаимной обусловленности текстов позволяют говорить о принципиально новой текстовой

идентичности современной коммуникации. Начавшись в 1968 г. со слова *LOGIN*, сегодня компьютерно-опосредованный дискурс представляет собой огромную совокупность текстов, измеряемую десятками миллионов текстов для кириллической графики и сотнями миллионов – для латинской [1].

Существенной особенностью существования современно-го текста является его широчайшая презентация в коммуникационной сети Интернет. Быстрыми темпами развивается непосредственно обусловленный интернет-дискурсом дискурс т. н. социальных сетей типа *Facebook, Twitter, ВКонтакте* и им подобных, интранет-дискурс локальных сетей, мобильной телефонии, спутниковой навигации и т.д. Следствием эффективности доступных широкому кругу коммуникантов разных компьютерных инструментов является вариативность самого дискурса. Так, зачастую в Интернете может параллельно находиться множество вариантов одного и того же текста. Однако с точки зрения человека это будут безобидные, пусть и не безупречные копии, а с точки зрения компьютерной логики – это абсолютно самостоятельные и самодостаточные разные тексты. Подобные разночтения вызывают немало проблем в организации современного коммуникационного пространства. Так, проблематика «плагиата» в данной связи приобретает совершенно иную специфику, нехарактерную практике традиционной коммуникации и книгоиздания.

Не менее важной чертой современной коммуникации, позволяющей говорить о системном характере ее интертекстуальной идентичности, является ее интерактивность: «Дискурс как социальная практика находится в интерактивном взаимодействии с контекстом в таком широком социальном аспекте, в котором фокус значимо смещается с текстовой формы на такие особенности контекста, как изменение идентичности участников, их социальных или профессиональных отношений, что поддерживает или изменяется в рамках жанров дискурса, обуславливает преимущества или ограничения для определенного круга читателей» [5, с. 246]. Такой интерактивный характер функционирования современного текста влияет и на функциональность всей социокультурной и производственной деятельности человека.

Широкая функциональность интертекстуальности позволяет привлекать в соответствующую ей методологическую сферу широкий круг не только интралингвистических, но и экстралингвистических фреймов знания о речевой деятельности.

При моделировании социокультурной и производственной деятельности релевантные модели будут обладать не только теоретической, но и практической значимостью. Уже сегодня есть все основания отметить существование определенного *интертекстуального* контекста коммуникации.

Наличие динамичного контекста, в свою очередь, обуславливает наличие в структуре современной коммуникации выразительных *доминант*. Например, для всей сферы коммуникации несомненной доминантой будет являться соответствие/несоответствие дискурсивной практики социальным, культурным, правовым и иным нормам: «Дискурс как жанр контрастно распространяет анализ за пределы текстовой продукции, охватывая контекст в широком понимании не только конструктивных особенностей текста, но и также способов его интерпретации, использования и реализации в специфическом институциональном, или более узко, профессиональном контексте для достижения специфических целей. Сущность вопросов, адресуемых при таком типе анализа, является не только лингвистической, но и социокогнитивной и этнографической» [5, с. 246].

Разумеется, индискретность сферы взаимодействия языковых и социокультурных феноменов обуславливает определенный дефицит внимания к соответствующей проблематике, следствием чего оказывается недостаточная методологическая определенность интертекстуальной специфики коммуникации, все еще являющуюся своеобразной исследовательской лакуной, «чёрным ящиком» («blackbox»). Однако интердисциплинарный, синкретичный характер современной науки уже сегодня позволяет успешно развивать интертекстуальную проблематику.

Литература

1. Баркович, А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015, № 3 (25). – С. 97–101.
2. Баркович, А. А. Метамоўная характарыстыка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу: дыс. на атрыманне вучонай ст. докт. філалаг. навук. – Мінск, 2016.
3. Баркович, А. А. Функциональность компьютерно-опосредованного дискурса: институциональный аспект // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2016, № 1 (51). – С. 97–107.
4. Bazerman, C. Genre as social action // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. – London: Routledge, 2012. – P. 226–238.
5. Bhatia, V. Professional written genres // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. – London: Routledge, 2012. – P. 239–251.
6. Foucault, M. The archeology of knowledge. – London: Tavistock Publications, 1972.